
DOI: 10.19181/snsp.2021.9.3.8441

МАЛЫЙ ГОРОД В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ АГЛОМЕРАЦИЙ: ШАНС ВЫЖИТЬ ИЛИ УДАР МОДЕРНИЗАЦИИ?¹

М. А. Подлесная¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Россия, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1

Для цитирования: Подлесная М. А. Малый город в условиях формирования агломераций: шанс выжить или удар модернизации? // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 3. С. 184–200. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.3.8441

Аннотация: В условиях развивающейся урбанизации и стратегии пространственного развития Российской Федерации возникает вопрос о том, каково место в этом развитии малого города. Агломерационный подход, который популяризируется сегодня в качестве необходимого с точки зрения повышения уровня и качества жизни в регионах, несёт в себе в том числе социальные риски – в первую очередь, игнорирование культурного своеобразия малых городов, во-вторых – утилитаризм и, как следствие, унификацию российских регионов. Автором статьи предпринимается попытка рассмотреть один из таких регионов – Кирилловский район Вологодской области, который не только обладает заметным числом памятников архитектуры и зодчества, уникальным национальным парком, но и входит в состав исторической провинции страны – территории Русского Севера. На основании данных двух социологических исследований, проведённых в 2009 и 2019 гг., а также на материалах других исследовательских групп, даётся анализ того, чем и как живёт население данной территории, каковы его миграционные и ценностные установки, отношение к стране и малой родине, какую роль в жизни населения играет культурное наследие, которым оно обладает. Поднимается проблема депопуляции региона в целом и тех возможностей, которые есть у подобных Кирилловскому району территорий.

Ключевые слова: урбанизация; малый город; агломерация; развитие регионов

Введение

Урбанизация – тенденция пространственного развития большинства стран мира во второй половине XX – начале XXI в. [28]. В связи с данной тенденцией есть необходимость городского развития российских регионов, для чего

¹ *Благодарности:* выражаю благодарность руководителю проекта доктору экономических наук, профессору И. П. Рязанцеву, исследовательской команде, организаторам и участникам полевых работ – кандидату социологических наук В. Г. Писаревскому, И. И. Козлову, Р. М. Плюснину, Е. А. Каргину, В. И. Рязанцеву, отдельно Д. А. Разинкову за подбор и анализ теоретической литературы, а также всем студентам факультета социальных наук ПСТГУ, принявшим участие в качестве интервьюеров в замерах 2009 и 2019 гг.

на уровне государства предлагается Стратегия пространственного развития Российской Федерации¹. В рамках научного дискурса указывают агломерационный подход [6].

Отдельные исследователи приходят к выводу, что «результатами неравномерного социально-экономического развития за последние десятилетия стали заметное сжатие, фрагментация и чрезмерная поляризация экономического пространства страны. Производственный, научно-образовательный, трудовой, социальный потенциал концентрируется в относительно небольшом числе так называемых “полюсов роста” – крупных и крупнейших городах и агломерациях, тогда как во многих регионах, особенно периферийных, численность населения сокращается за счёт миграционного оттока населения и наблюдается существенное отставание в развитии инфраструктуры и социальной сферы» [20, с. 742]. Авторы пишут о неизбежности экономического неравенства регионов России, оно наблюдается не только на межрегиональном, но и внутрирегиональном уровне – между городами-центрами и депрессивными периферийными территориями.

Трансформационные процессы происходят и в Северо-Западном федеральном округе России, области и районы которого вызывают наш особый исследовательский интерес.

Говоря о трансформационных процессах этого округа, выделяют в настоящее время «13 формирующихся городских агломераций: Архангельская, Великолукская, Вологодская, Воркутинская, Калининградская, Котласская, Мурманская, Новгородская, Петрозаводская, Псковская, Сыктывкарская, Ухтинская, Череповецкая. Здесь формируется сеть городов, которые выступают своего рода “опорными каркасами” для развития сопредельных с ними территорий, концентрируя в себе значительный производственный, финансовый, кадровый и иной потенциал» [9, с. 2].

В Вологодской области, как отмечают ряд исследователей [8; 21], также активизируются агломерационные процессы и происходит «формирование 2 агломераций: Вологодской и Череповецкой. При этом Вологодская агломерация является моноцентрической, в её состав входит г. Вологда (ядро) и Вологодский, Грязовецкий, Сокольский районы» [9, с. 3]. В качестве основного признака формирования агломераций называется активное перемещение населения в данных направлениях, при этом Вологда аккумулирует в себе в качестве трудового ресурса четверть опрошенных Вологодской области.

Агломерационный подход ориентирован на создание макрорегионов, призванных обеспечивать связность территорий в основной зоне расселения [2, с. 9]. Вместе с тем за рамками данного подхода остаются большинство малых городов, малоперспективных с точки зрения экономического развития территории. Отдельные авторы уже сегодня критически оценивают возможности агломераций, предлагая вместо сугубо рыночной идеологии урбанизации перейти к идеологии интеграции российских территорий [22, с. 38].

¹ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (дата обращения: 30.07.2021).

Цель данной работы – рассмотреть социально-экономические показатели в оценке жителей малого города, оторванного от «ядра» формирующихся агломераций, и проанализировать, как справляются его жители с наметившимися тенденциями развития, стагнируют и приходят в упадок эти территории или имеют шанс к развитию. В качестве такого исследовательского объекта были выбраны город Кириллов и Кирилловский район Вологодской области.

Определение малого города мы заимствуем из ряда работ [13; 11], понимая под малым городом такое поселение, такую территорию, которые устанавливаются в качестве городских – в соответствии с правовым статусом «город» и численностью населения до 50 тыс. человек, делая при этом акцент на эндогенных и экзогенных связях города, которые организуются прежде всего его жителями. Малый город определяется не только правовым статусом и численностью населения, но и отношениями, внутри него складывающимися; по сути, «это место – локус социального пространства, где накапливается, развивается и реализуется человеческий и социальный потенциал большей или меньшей по размеру и сложности городской общности; это – ресурсные центры и инфраструктурные узлы для освоения и развития окружающей сельской местности, природной территории» [11, с. 212].

Вологодская область и её районы принадлежат к так называемому Русскому Северу. Этот устойчивый геокультурным понятием обозначается не только одна из исторических провинций страны, не имеющая и не имевшая чётких административных границ, но, главным образом, та культурная общность, обладающая с точки зрения зарождения российского государства-нации символическим и историческим смыслом [26, с. 134]. Подобный факт, в условиях описанных нами выше трансформаций российских регионов, не может не вызывать исследовательский интерес и закономерного вопроса: что же стало сегодня с территориями оплота «русскости» [3], имеющими столь серьёзное культурное и историческое значение для становления России?

Кирилловский район – административно-территориальная единица в составе Вологодской области, расположен в 129 км к северу от Вологды, насчитывает 12 памятников культового и 25 памятников гражданского зодчества под государственной охраной, среди которых Кирилло-Белозерский, Ферапонтов монастыри, Нило-Сорская пустынь, музей фресок Дионисия, национальный парк «Русский Север» и др.

В статье мы опираемся на данные других исследовательских центров (ФГБУН ВолНЦ РАН, Вологдастата), а также собственных социологических исследований (руководитель д-р экон. наук, профессор И. П. Рязанцев), которые проводились среди жителей Кириллова и Кирилловского района Вологодской области в 2009 и 2019 гг.

Методы и материалы исследования

В научной отечественной литературе довольно широко освещается как проблема агломераций и агломерационного развития, особенно в этом преуспели исследователи, публикующиеся в журнале Сибирского федерального университета

и занимающиеся преимущественно анализом развития Сибирского [29; 31; 25], Красноярского [33; 32] макрорегионов, так и проблем малых городов, чему посвящён ряд монографий [22; 11; 24; 19] и статей [12; 16; 27; 14; 17]. Примечательно, что проблема «сжатия» территорий и вытекающих отсюда вопросов городского развития довольно плотно освещалась и продолжает освещаться в зарубежной литературе, включая теорию городской эволюции Ван ден Берга [37], концепцию «сжатия» в результате глобализации и глобальной реструктуризации, представленную в работах Д. Харви [36], С. Сассен [35], А. Скотта и М. Сторпера [34] и др., концепцию регионального фактора «сжатия» городов [38; 39], в том числе в постсоветских странах в работах отечественных авторов [7; 15; 4; 10]. Подобное исследовательское многообразие (в том числе теоретического плана) свидетельствует о том, что данная тематика не только имеет долгую историю (начиная с 70-х гг. XX в.), но и остаётся актуальной.

В проведённых нами исследованиях мы пытались синтезировать положения нескольких теорий, понимая, что в настоящее время не только региональные факторы развития, но и глобальные изменения влияют на пространственные трансформации России, в том числе относительно малых городов.

Основными методами наших исследований стали вторичный анализ данных, включённое наблюдение и анкетный опрос населения. Социологические опросы проводились с помощью анкетирования в 2009 и 2019 гг. с разницей в 10 лет. Использовались единая программа и инструментарий с целью изучения происходящих изменений городской среды в оценке жителей города Кириллова и его района.

Выборка многоступенчатая и формировалась исходя из представлений о том, что сам Кириллов состоит из восьми микрорайонов (Северный, Восточный, Школьный, Центральный, Чища, Копать, Кузьминки, Красново), а Кирилловский район — из девяти сельских советов, к которым относятся в общей сложности 469 сёл и деревень (в том числе нежилые). Отбор улиц, домов, квартир осуществлялся с помощью генератора случайных чисел, в 2019 г. шли по уже отобранному в 2009 г. улицам, домам. Квартиры и жильцы, опрошенные в 2009 г., были в ряде случаев недоступны, поэтому использовался шаг.

В 2009 г. общее число жителей Кириллова и Кирилловского района составляло 18 627 человек. К 2019 г. численность населения Кириллова и Кирилловского района заметно сократилась и составила 15 077 человек. Исследовательское поле 2009 г. было осложнено большим количеством отказов, особенно это касалось сельской местности, где участие в опросе не вызывало энтузиазма местного населения. В итоге даже часть заполненных анкет в результате проверки была забракована. В 2019 г. полевые работы проходили легче, сбор анкет, с учётом сложностей первого «среза», удалось оптимизировать за счёт увеличения числа интервьюеров и методической проработки уже известных трудностей. Предварительный расчёт выборки с учётом заявленных в программе исследования гипотез, а также численности и характеристик генеральной совокупности, при доверительной вероятности 95% и доверительном интервале $\pm 3,5$, в 2009 г.

составил 376 человек, в 2019 г. — 375 человек. По факту проведённых полевых работ и сортировки бракованных анкет в анализ 2009 г. была принята 301 анкета, в 2019 г. — 360 анкет.

Исследовательская группа вместе с командой интервьюеров проживала в Кириллове в 2009 и 2019 гг. в течение трёх недель, делая заметки и ведя дневники наблюдения за городом и его жителями. Выезды в населённые пункты района также сопровождались соответствующими заметками. По завершении каждого дня проводились коллективные обсуждения результатов наблюдения, опросов, что также фиксировалось.

Результаты исследования

Если говорить о составе населения Вологодской области в целом, то доля русских в этой области наивысшая (97,3%), даже в сравнении с другими областями, входящими в состав Русского Севера (например, Архангельская область — 95,6%, Мурманская область — 89%). В этом смысле Европейский Север в целом и Вологодский край в частности можно действительно считать преимущественно русским [30, с. 109]. Об этом же свидетельствуют данные миграционной статистики региона, согласно которой основными донорами переселенцев для Вологодской области являются представители Северо-Западного, Центрального и Приволжского федеральных округов [1, с. 112].

Вместе с тем уже сегодня ряд исследователей констатируют об имеющемся социальном и экономическом кризисе в регионе, в частности — о депопуляции области в целом и о её наметившейся непривлекательности для въезда мигрантов на постоянное место жительства [1, с. 110]. Прогнозируется дальнейшее сокращение населения Вологодской области, которое, согласно оценке Вологдастата, к 2036 г. составит ещё 6,3% от населения, то есть 74 487 человек. Подобные тенденции отмечаются и на местном уровне, на уровне районов (Кирилловского района Вологодской области).

Несмотря на депопуляцию и постарение региона в целом, «по данным социологических исследований, проведённых на территории Вологодской области, в 2000–2016 гг. фиксировался стабильный рост удельного веса людей, позитивно характеризующих своё настроение (в целом за этот период — с 46 до 68%)» [20, с. 33–34]. Похожие тенденции наблюдаются и в нашем исследовании при замере субъективной оценки эмоционального самочувствия жителей Кирилловского района в 2019 г. На вопрос: «Счастливы вы или нет?», 38% опрошенных заявили, что «определённо да», ещё 47% ответили «скорее да», позицию «скорее нет» выбрали 8% респондентов, позицию «определённо нет» — 3% опрошенных. Затруднились ответить на данный вопрос 4% респондентов. Подобные результаты свидетельствуют о высоком уровне субъективного ощущения счастья респондентами (85%) и об удовлетворённости жизнью в целом. Каковы же причины подобной удовлетворённости?

В первую очередь, обращает внимание тот факт, что уровень дохода населения Кирилловского района за последние десять лет заметно повысился: сократилось число тех, кому не хватало денег даже на еду, увеличилась доля тех, кто имеет средства на всё необходимое (см. табл. 1). То есть по самоощущению в материальном плане население стало жить лучше, субъективно его уровень жизни повысился.

Таблица 1

Распределение по доходу населения Кирилловского района, 2009 и 2019 гг., %

Ответы	2009	2019
Не ограничены в средствах	0,5	4,0
Имеют средства на всё необходимое, в том числе на бытовую технику и машину	5,5	25,0
Не испытывают затруднения в повседневных расходах	39,0	32,0
Хватает на еду, но в повседневных расходах приходится себя ограничивать	47,0	31,0
Иногда не хватает денег даже на необходимые продукты питания	8,0	8,0

Об этом же косвенно свидетельствуют данные опроса об изменении уровня жизни за последние полгода (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос:

**«Как, по вашему мнению, изменился за последние полгода уровень жизни вашей семьи?»,
2009 и 2019 гг., %**

Ответы	2009	2019
Уровень жизни повысился	14,0	14,0
Остался таким же	45,5	62,0
Снизился	37,5	20,0
Затрудняюсь ответить	3,0	4,0

Согласно данным, жизнь респондентов в материальном смысле не претерпевает каких-либо серьёзных изменений, и в сравнении с данными 2009 г. за десять лет стала носить более устойчивый характер — за последние полгода не происходит как снижения уровня жизни, так и его роста.

Основным источником дохода 40% опрошенных назвали пенсию, а основными работающими группами по-прежнему остаются рабочие (18%), специалисты различных отраслей (16%), служащие/чиновники (7%), руководители (5%). То есть заметная часть населения района живёт за счёт государственных и бюджетных средств, и повышение уровня дохода (и его стабильность) главным образом связано с ростом пенсий и зарплат в целом по стране. При этом важно отметить, что в сравнении с 2009 г. доля пенсионеров выросла на 10%, повысилась доля специалистов (16% в 2019 г. против 10% в 2009 г.), сократилась доля рабочих (с 25% в 2009 г. до 18% в 2019 г.) и доля служащих (с 15% в 2009 г. до

7% в 2019 г.), что может свидетельствовать, во-первых, о постарении населения района, во-вторых, о деиндустриализации района в целом и о появлении рабочих мест в новых сферах (например, туризме).

Важно отметить, что, согласно данным опроса ФГБУН ВолНЦ РАН за 2019 г., весьма интересны миграционные установки жителей Вологодской области в целом, которые отличаются следующие тенденции: 1) нежелание уезжать из региона основной части населения (86%) по причине «наличия привычки, тесной связи с местом проживания, родиной и окружающими близкими людьми»; 2) тех, кто этот переезд осуществляет, совсем незначительная часть – «за последние 10 лет меняли место жительства 11% опрошенных вологжан»; 3) а сама миграция осуществляется преимущественно внутри самого региона – «из села в город своего региона, из города в город своего и другого региона, из города в сельскую местность своего региона (реурбанизация)» [1, с. 113–114]. Таким образом, мы наблюдаем не только наличие патерналистских установок у значительной части вологжан, но и тесную связь со своей малой родиной, своими «корнями». Можно предположить, что не только стабильность уровня жизни и дохода позволяет чувствовать себя счастливым жителям Кирилловского района, но, главным образом, принадлежность к «своей» общности, «своим» корням.

В связи с этим показательны данные нашего исследования 2019 г., которые продемонстрировали, что в качестве основных стратегий поведения жителей Кирилловского района в случае ухудшения качества жизни на первом месте наличествует поиск дополнительного источника заработка (отметили эту позицию 39% респондентов), на втором – бездействие – «ничего не буду делать» (эту позицию выбрали 24% опрошенных), и лишь на третьем месте – «уеду из своего города».

Важно отметить, что в ответах на вопрос о стратегиях поведения жителей Кирилловского района в случае ухудшения качества жизни наблюдается корреляция с возрастом респондентов. Старшие возрастные группы жителей района в случае ухудшения качества жизни предпочтут бездействовать, тогда как респонденты моложе ориентированы на поиск дополнительного источника заработка или переезд из региона. Это важная информация, свидетельствующая, что бездействие не является общей для всех чертой, а присуща определённым возрастным группам, имеющим ограничения по возрасту. Немаловажно и то, что 7% опрошенных готовы были бы участвовать в протестных акциях в случае ухудшения качества жизни. Причём это довольно устойчивая группа, о чём свидетельствуют данные 2009 и 2019 гг.

В сравнении с данными 2009 г. обращает внимание тот факт, что в 2019 г. существенно сократилась доля тех, кто в случае ухудшения жизни в регионе готов искать дополнительный заработок, появилась новая группа ответивших «ничего не буду делать», увеличилось число тех, кто готов уехать из своего города. Таким образом, видна не просто существенная, а чрезвычайно значительная разница практически по всем позициям (за исключением лишь одной – уча-

ствия в митингах, демонстрациях и других протестных акциях), прямо выходящим на жизненные (поведенческие) стратегии, заметно изменившимися за последние 10 лет. Наблюдаемую пассивность населения вряд ли можно объяснить только постарением и депопуляцией региона в целом, скорее всего мы имеем дело с наметившимся общим жизненным сценарием населения, который в другом исследовании территорий Русского Севера обозначен как «колея» [7, с. 20].

В поисках следов сохранившейся культуры Русского Севера в регионе стоило бы сказать несколько слов о ценностных ориентациях местных жителей. В 2019 г. было задано несколько вопросов респондентам на эту тему, одним из которых был вопрос об отношении к характерным явлениям современности (табл. 3).

Таблица 3

Отношение жителей Кирилловского района к наиболее значимым явлениям современности, 2019 г., %*

Явления	Крайне или скорее негативно	Крайне или скорее позитивно
Коррупция в органах власти	95	2
Сиротство	93	1
Однополые браки	92	3
Увеличение пенсионного возраста граждан РФ	88	6
Бытовое взяточничество	87	3
Ювенальная юстиция	66	13
Аборты	64	15
Разводы	60	17
Миграция граждан из стран СНГ и соседних государств в Россию	52	22
Эвтаназия	38	31

*Без учёта затруднившихся ответить.

К вызывающим наибольшее неприятие у жителей Кирилловского района явлениям можно отнести: коррупцию в органах власти, сиротство, однополые браки, увеличение пенсионного возраста, бытовое взяточничество. Как можно заметить, три из пяти позиций относятся к действиям государственной и местной власти, из чего можно предположить, что именно эта область вызывает наибольшее беспокойство. Примечательно, что есть устойчивое неприятие однополых браков и вместе с тем, в определённом смысле, допустимость и оправдание разводов (например, каждый второй брак Вологодской области расторгается, на 2228 браков за 2019 г. пришлось 1645 разводов¹) и абортов (64 аборта на 100 успешных родов²).

¹ Статистика отдела ЗАГС по Вологодской области за 2019 г.

² Статистика Ростата за 2017 г.

Наименьшее понимание у жителей Кирилловского района вызывает такое явление, как эвтаназия, характерное в большей степени для Запада.

В ценностной системе опрошенных доминируют традиционные ценности. Вместе с тем возникает вопрос: каковы истоки подобной традиционности – стоит их искать в советском прошлом респондентов и присущей им консервативности или же в православной религиозности Русского Севера? Скорее всего, в настоящее время мы имеем дело со сложным ценностным гибридом, который включает в себя разнопорядковые нормы и стереотипы («разводиться плохо», но в современном обществе это массовое явление, аборт – нарушение нравственной и христианской нормы, но делается с разного рода оправданиями).

Одной из характерных черт жителей Кирилловского района является также их любовь к своей стране, которая проявилась в ответах на вопрос нашего исследования 2019 г. «Россия для меня – это...». В районе сильны патриотические настроения (76% респондентов разделяют патриотические установки), доминирующей установкой является безусловный патриотизм (45% респондентов), второй среди патриотических чувств – установка на деятельностный патриотизм («дом, в котором я живу, и от меня зависит то, каким он будет» (25%), «страна с возможностями для достойной жизни каждого человека» (31%). Индифферентное отношение, которое может выражаться как в отсутствии стремления к улучшениям в стране, так и в негативном к ней отношении, проявил лишь каждый седьмой ответивший.

Важно при этом, что значительная часть населения Кирилловского района чувствует свою ответственность за других, проявляя глубокое чувство сопричастности с местным сообществом. Об этом свидетельствуют данные ещё одного вопроса нашего исследования 2019 г. (табл. 4).

Таблица 4

**Распределение ответов жителей Кирилловского района на вопрос:
«За кого/что вы чувствуете ответственность?», 2019 г., %***

Ответы	2019
За семью и родственников	85
За детей	67
За себя	46
За друзей	29
За страну в целом	27
За коллег по работе	25
За свой город и посёлок	24
За человечество в целом	16
Ни за кого	1

*Допускалось несколько вариантов ответа.

Обращает на себя внимание тот факт, что первые позиции занимает не индивидуалистическая ответственность («за себя»), хотя и здесь высокие показатели (46%), а ответственность за свою семью и родственников, и каждый второй говорит о своей ответственности за своих детей. Это наиболее значимые группы опрошенных.

Один из вопросов нашего исследования выявлял оценку населения ряда социально-экономических характеристик городской среды и её инфраструктуры (табл. 5).

Таблица 5

**Удовлетворённость различными сферами жизнеобеспечения
в Кириллове и Кирилловском районе, 2009 и 2019 гг., %**

Удовлетворённость	2009	2019
Услугами связи	82,5	76
Обеспечением магазинов продуктами	81,6	78
Обеспечением магазинов одеждой	78	50
Транспортной системой	56	19
Культурной сферой	49	78
Возможностями проведения своего досуга	48	58
Школьным образованием	44	46
Медицинским обслуживанием	36,6	35
Социальными пособиями	33	31
Ценами на жилье	30	20
Коммунальным обслуживанием	27	35
Возможностью трудоустройства	25	20
Заработной платой	23	23

За последние десять лет произошли заметные изменения в городской среде: снизился уровень удовлетворённости населения практически по всем позициям, даже тем, что и в 2019 г. занимают первые строчки, — услуги связи, обеспечение магазинов продуктами питания. Особенно значимое снижение уровня удовлетворённости населения Кирилловского района вызывает транспортная система города и района, которой в сравнении с 2009 г. в 2019 г. удовлетворены всего 19%, что почти в 3 раза меньше, чем десять лет назад. Снизилась удовлетворённость населения и такими позициями городской среды, как обеспечение магазинов одеждой, ценами на жильё, возможностью трудоустройства. Вместе с тем участники опроса признавали, что удовлетворены в настоящее время культурной сферой, возможностями проведения своего досуга, коммунальным обслуживанием. Отметим, что данные результаты подтверждают и наблюдения исследовательской группы, в которых отмечалось существенное изменение облика города за последние десять лет в лучшую сторону («город стал чище», «во дворах города появилось много детских хорошо оборудованных пло-

щадок», «фасадная часть зданий преобразилась», «заметно меньше мусора вокруг»). В результате можно сделать вывод: несмотря на преобразования в определённых сферах города и района, главным образом в культурной, досуговой, во внешнем облике города и района наблюдается заметный упадок, например, в транспортной системе, которая не только обеспечивает мобильность населения, но и является важнейшей частью модернизации. Возникают вопросы: как же в условиях сокращения удовлетворённости населения по ряду показателей (транспортная система, услуги связи и т. д.) будет осуществляться подобная модернизация? как сами жители, с их патерналистскими установками и всё более заметным жизненным сценарием «колеи» смогут участвовать в этом?

Заключение

Кирилловский район и подобные ему районы, как уже отмечалось, находятся сегодня в контексте происходящего цивилизационного и территориального «сжатия» [7, с. 20], в контексте развития агломераций и макрорегионов. В результате происходящих изменений всё чаще приходится слышать о жизни в таких районах как о «колее», прежде всего для взрослого населения, молодёжь нередко уезжает в более крупные города. Вместе с тем трудно не согласиться, что у колеи один вектор развития – жить по инерции. Но жизнь по инерции – удел большинства, о котором по какой-то причине стало принято говорить, в лучшем случае, как о «лишних людях» [33], что, как нам кажется, не вполне справедливо, особенно если вспомнить о ценностных установках населения таких районов, их патриотизме, любви к своей малой родине.

Кирилловский район, как и многие другие районы Вологодской области, не входит в агломерационную зону (его разделяет расстояние от Вологды 129 км, от Череповца 100 км), что накладывает свой отпечаток на ритм и быт подобных ему территорий, которые по-своему традиционны, патерналистски ориентированы, имеют приверженность к своей локальности. В этом, с одной стороны, их культурное своеобразие, с другой – проблематичность с точки зрения экономического и стратегического развития. Стремительная и отчасти диктуемая сверху урбанизация (с её макроэкономическим агломерационным подходом) может не только совсем обескровить данные территории, но и усреднить в целом российские города, которые со временем могут стать территориями «без лица».

Полагаясь на оценки жителей Кирилловского района, можно предположить, что намеченная с 2020 г. модернизация Вологодской области если и возможна, то для самого Кирилловского района малодоступна по причине сокращения возможностей его транспортной системы, услуг связи, трудоустройства и ряда других важных показателей, обеспечивающих мобильность населения, его активность. Малый город в этом смысле скорее стагнирует, чем развивается, вряд ли приходит в упадок, так как есть и положительная динамика по ряду показателей, но, безусловно, требует внимания и пересмотра отдельных направлений деятельности городских властей.

Список литературы

1. Будилов А. П., Калачикова О. Н. Миграция и переселенческие установки жителей Вологодской области // Проблемы развития территории. 2020. № 2 (106). С. 108–119. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.8
2. Веселова Э. Ш. Россию «разрежут» по-новому // ЭКО. 2018. № 6. С. 7–19. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2018-6-7-1
3. Деготь Е. Пространственные коды «русскости» в искусстве XIX века // Отечественные записки. 2002. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/6/prostranstvennye-kody-russkosti-v-iskusstve-xix-veka-fragment.html> (дата обращения: 30.06.2020).
4. Землянский Д. Ю., Ламанов С. В. Сценарии развития монопрофильных городов России // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2014. № 4. С. 69–74.
5. Ильин В. И. Человек на старом Русском Севере: между свободой воли и структурным принуждением (исторический очерк в терминах экзистенциальной социологии) // Мир России. 2020. Т. 29, № 3. С. 6–27. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-3-6-27
6. Ильина И. Н. Формирование агломераций и региональное развитие // Региональная экономика и управление развитием территорий. Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Под общ. ред. : Ф. Т. Прокопов. М. : Юрайт, 2016. С. 73–83.
7. Карачурина Л. Б. Демографические трансформации городов постсоветской России // Региональные исследования. 2013. № 3 (41). С. 23–36.
8. Кожевников С. А. Агломерационные процессы на Европейском Севере России: опыт Вологодской области // Регионология. 2018. Т. 26, № 4 (105). С. 718–741. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.718-741>
9. Кожевников С. А. Предпосылки развития Вологодской агломерации: результаты социологических исследований // Вопросы территориального развития. 2018. № 5 (45). С. 1–4. DOI: 10.15838/tdi.2018.5.45.4
10. Любовный В. Я. Монопрофильные города в условиях кризиса: состояние, проблемы, возможности реабилитации. М. : ЗАО «Дортранспечать», 2009. 104 с.
11. Малые города в социальном пространстве России / А. Ю. Ардалянова, П. В. Бизюков, Р. Г. Браславский [и др.] ; отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш ; предисл. М. К. Горшков. М. : ФНИСЦ РАН, 2019. 545 с. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7751 DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019
12. Маркин В. В. Малые города России: комплексный мониторинг развития. Часть 2 / В. В. Маркин, М. Л. Малышев, Д. Ю. Землянский // Мониторинг правоприменения. 2020. № 1 (34). С. 61–74. DOI: 0.21681/2226-0692-2020-1-61-74
13. Масло Р. Е. Определение понятия «Малый город» в глобальной системе мирохозяйственных связей // Бизнес Информ. 2014. № 10. С. 14–17.
14. Мкртчян Н. В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225–242. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.15
15. Мкртчян Н. В. Миграционный баланс российских городов: к вопросу о влиянии размера положения в системе центрo-периферийных отношений // Научные труды: ИМП РАН. 2011. Т. 9. С. 416–430.
16. Моляренко О. А. Местное самоуправление в современной России, или Хроники крайней власти // Мир России. 2021. Т. 30, № 1. С. 8–28. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-1-8-28

17. *Моляренко О. А.* Распределенный образ жизни и контрурбанизационные процессы как факторы развития сельских и городских поселений // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 1. С. 49–71.
18. *Морев М. В., Смолева Е. О.* Возможности социологического инструментария в диагностировании латентных тенденций общественного психического здоровья (на примере Вологодской области) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21, № 3. С. 26–45. DOI: 10.31119/jssa.2018.21.3.2
19. Отходники / Ю. М. Плюснин [и др.]. М. : Новый Хронограф, 2013. 288 с.
20. *Плисецкий Е. Л., Плисецкий Е. Е.* Тенденции и проблемы пространственного развития России на современном этапе // Россия: тенденции и перспективы развития. 2020. Т. 1. С. 741–744.
21. *Попов А. В.* Формирование единого рынка труда как условие становления городской агломерации (на материалах Вологодской области) // Вопросы территориального развития. 2018. № 5 (45). DOI: 10.15838/tdi.2018.5.45.9
22. Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики / М. Ф. Черныш, В. В. Маркин [и др.]; отв. ред. М. Ф. Черныш, В. В. Маркин; предисл. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2020. 523 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-335-5.2020
23. Региональная экономика и управление развитием территорий. Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / И. Н. Ильина [и др.]; под общ. ред. Ф. Т. Прокопов. М. : Юрайт, 2016. 351 с.
24. *Чирикова А. Е.* Власть в малом российском городе / А. Е. Чирикова, В. Г. Ледаев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 417 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-1579-2
25. *Шабаетов Ю. П.* Европейский Север России: этнополитика и кризис местных сообществ / Ю. П. Шабаетов, А. О. Подоплёкин // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2017. Т. 13, № 1. С. 103–122.
26. *Шабаетов Ю. П.* «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы / Ю. П. Шабаетов, И. Л. Жеребцов, П. С. Журавлёв // Мир России. Социология. Этнология. 2012. Т. 21, № 4. С. 134–153.
27. *Яницкий О. Н.* Малые города России: междисциплинарный анализ // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 4. С. 52–64. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-5
28. *Ярошенко С. С.* Лишние люди, или О режиме исключения в постсоветском обществе / С. С. Ярошенко // Экономическая социология. 2017. Т. 18, № 4. С. 60–90. DOI: 10.17323/1726-3247-2017-4-60-90
29. *Efimov V. S., Lapteva A. V.* Siberia and the Russian Far East in the 21st Century: Scenarios of the Future // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2017. № 11 (10). P. 1669–1686. DOI: 10.17516/1997-1370-0165
30. Methodological Approaches to Homogenous Regional Clusters Formation for Human Capital and Quality of Life Assessment in the Yenisei Siberia Macro-Region / E. B. Bukharova, I. P. Vorontsova, A. R. Semenova [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. Vol. 12, № 12. P. 2137–2154. DOI: 10.17516/1997-1370-0467
31. *Pilyasov A. N.* Siberia: in Search of New Model of Development / A. N. Pilyasov // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2017. Vol. 10, № 11. P. 1754–1778. DOI: 10.17516/1997-1370-0171
32. *Polishchuk V. I.* Krasnoyarsk Agglomeration: Idea and Prospects of Development / V. I. Polishchuk // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2016. Vol. 9, № 11. P. 2803–2829. DOI: 10.17516/1997-1370-2016-9-11-2803-2829

33. *Popodko G. I.* Investment Potential of the Krasnoyarsk Agglomeration Development // G. I. Popodko // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2017. Vol. 10, № 11. P. 1779–1788. DOI: 10.17516/1997-1370-0172.
34. *Scott A., Storper M.* Regions, globalization, development // Regional Studies. 2007. № 37 (6–7). P. 579–593. DOI: 10.1080/0034340032000108697a.
35. *Sassen S.* The global city: New York, London, Tokyo // Political Science Quarterly. 2001. Vol. 107, № 2. P. 370–371. DOI: 10.1515/9781400847488.
36. *Harvey D.* Spaces of hope. Edinburgh : Edinburgh University Press, Edinburgh, 2000. 310 p.
37. *Van den Berg L., Drewett R., Klaasen L.* Urban Europe: A Study of Growth and Decline. Oxford ; New York : Pergamon Press, 1982. 162 p.
38. *Ryan B. D.* Design after Decline: How America Rebuilds its Shrinking Cities. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2012. 288 p.
39. What makes people stay in or leave shrinking cities? An empirical study from Portugal / *M. Guimarães, L. Nunes, A. Barreira, T. Panagopoulos* // European Planning Studies. 2016. Vol. 24, № 9. P. 1684–1708. DOI: 10.1080/09654313.2016.1177492.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Подлесная Мария Александровна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
E-mail: yamap@yandex.ru
AuthorID РИНЦ: 661786

Дата поступления в редакцию: 30.11.2020. Принята к печати: 01.04.2021

DOI: 10.19181/snsp.2021.9.3.8441

Small Town in the Conditions of the Formation of Agglomerations: A Chance to Survive or a Blow of Modernization?

Mariia A. Podlesnaia¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, b.1, Bol'shaja Andron'evskaja str., Moscow, Russia, 109544

For citation: *Podlesnaia M. A.* (2021). Small town in the conditions of the formation of agglomerations: a chance to survive or a blow of modernization? *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 9, № 3. P. 184–200. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.3.8441

Abstract. In the context of the rapidly developing urbanization and spatial development strategy of the Russian Federation, focused on strengthening and creating macro-regions, the question arises of what is the place and fate of the development of a small town. The agglomeration approach, which is popularized today as necessary in terms of improving the level and quality of life in the regions, also includes social costs – first of all, ignoring the cultural identity of the small towns, and secondly, utilitarianism and, as a consequence, unification of Russian regions. The author of the article make an attempt to consider such regions – the Kirillovsky district of the Vologda region, which not only has a noticeable number of monuments of architecture, a unique national park, but also is part of the country's historical province, called the Russian North. Based on the data of two sociological studies conducted in 2009 and 2019, as

well as materials from other research groups, an analysis is given of how the population of this territory lives, what are its migration and value attitudes, its attitude to the country and small homeland what role in the life of the population is played by the cultural heritage that it possesses. Attention is drawn to the problem of depopulation of the region as a whole and to the opportunities that exist in reality for territories similar to the Kirillovsky District, which are not only forced to be custodians of cultural originality, but also to be part of this culture themselves, transmitting paternalism and tradition in a certain sense.

Keywords: urbanization; small town; agglomerations; development of regions

REFERENCES

1. Budilov A. P., Kalachikova O. N. (2020). Migratsiya i pereselencheskie ustanovki zhitelej Vologodskoj oblasti. [Migration and migration attitudes of the Vologda Oblast residents]. *Problems of Territory's Development*. № 2 (106). P. 108–119. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.8 (In Russ.).
2. Veselova E. Sh. (2018). Rossiya «razrezhut» po-novomu. [Russia will be “cut” in a new way]. *ECO journal*. № 6. P. 7–19. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-6-7-1 (In Russ.).
3. Degot' E. (2002). Prostranstvenny'e kody' «russkosti» v iskusstve XIX veka. [Spatial codes of “Russianness” in the art of the XIX century]. *Otechestvenny'e zapiski*, № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/6/prostranstvennye-kody-russkosti-v-iskusstve-xix-veka-fragment.html> (data obrascheniya: 30.06.2020). (In Russ.).
4. Zemlyanskij D. Yu., Lamanov S. V. (2014). Stsenarii razvitiya monoprofil'ny'kh gorodov Rossii. [Development scenarios for single-industry cities in Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5. Geografiya*. № 4. P. 69–74. (In Russ.).
5. Ilyin V. (2020). Chelovek na starom Russkom Severe: mezhdru svobodoy voli i strukturny'm prinuzhdeniem (istoricheskij ocherk v terminax e'kzistencial'noj sociologii). [People in the Old Russian North: between Free Will and Structural Coercion (A Historical Essay in Terms of Existential Sociology)]. *Mir Rossii*. Vol. 29, № 3. P. 6–27 DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-3-6-27 (in Russ.).
6. Il'ina I. N. (2016). Formirovanie aglomeratsij i regional'noe razvitiye. [Formation of agglomerations and regional development]. In *Regional'naya e'konomika i upravleniye razvitiem territorij. Uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i magistratury*. M. : Yurajt. P. 73–83. (in Russ.).
7. Karachurina L. B. (2013). Demograficheskie transformatsii gorodov postsovetsoj Rossii. [Demographic transformations of cities in post-Soviet Russia]. *Regional'ny'e issledovaniya*. № 3., P. 23–36. (in Russ.).
8. Kozhevnikov S. A. (2018). Aglomeratsionny'e protsessy' na Evropejskom Severe Rossii: opyt Vologodskoj oblasti. [Agglomeration processes in the european north of russia: experience of the Vologda Region]. *Regionologiya*. № 26(4). P. 718–741. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.718-741> (in Russ.).
9. Kozhevnikov S. A. (2018). Predposyl'ki razvitiya Vologodskoj aglomeratsii: rezul'taty' sotsiologicheskix issledovanij. [Prerequisites for the development of the Vologda agglomeration: results of sociological research]. *Territorial Development Issues*, № 5 (45). P. 1–4. DOI: 10.15838/tdi.2018.5.45.4 (in Russ.).
10. Lyubovny'j V. Ya. (2009). *Monoprofil'ny'e goroda v usloviyax krizisa: sostoyanie, problemy, vozmozhnosti reabilitatsii*. [Single-industry cities in crisis conditions: state, problems, rehabilitation opportunities]. M. : Dortranspechat' publ. 104 p. (in Russ.).
11. *Small towns in the social space of Russia: [monograph]*. (2019). Ed. by V. V. Markin, M. F. Chernysh. M. : FCTAS RAS publ. 545 p. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7751 (in Russ.).
12. Markin V. V., Maly'shev M. L., Zemlyanskij D. (2020). Maly'e goroda Rossii: kompleksny'j monitoring razvitiya. Chast' 2. [Small towns of Russia: comprehensive monitoring of development. Part 2]. *Monitoring pravoprimeneniya*. № 1 (34). P. 61–74. DOI: 10.21681/2226-0692-2020-1-61-74 (in Russ.).

13. Maslo R. E. (2014). Opredelenie ponyatiya «Maly'j gorod» v global'noj sisteme miroxozyajstvenny'kh svyazej. [Definition of the concept of “Small town” in the global system of world economic relations]. *Biznes Inform.* № 10. P. 14–17. (in Russ.).
14. Mkrтчan N. V. (2017). Migratsiya molodezhi iz maly'kh gorodov Rossii. [The youth migration from small towns in Russia]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* № 1. P. 225–242. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.15 (in Russ.).
15. Mkrтчan N. V. (2011). *Migratsionny'j balans Rossijskikh gorodov: k voprosu o vliyanii razmera polozeniya v sisteme centro-periferijny'kh otnoshenij.* [Migration balance of Russian cities: on the impact of the size of position in the system of central-peripheral relations]. Nauchny'e trudy' INP RAN. Ed. by A. G. Korovkin. M. : MAKS Press publ. P. 416–430. (in Russ.).
16. Molyarenko O. A. (2021). Mestnoe samoupravlenie v sovremennoj Rossii, ili Khroniki krajnej vlasti. [Local Self-Government in Contemporary Russia]. *Mir Rossii.* Vol. 30, № 1. P. 8–28. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-1-8-28 (in Russ.).
17. Molyarenko O. A. (2013). Raspredeleenny'j obraz zhizni i kontrurbanizatsionny'e processy' kak faktory' razvitiya sel'skikh i gorodskikh poselenij. [Distributed lifestyle and counter-urbanization processes as factors in the development of rural and urban settlements]. *Voprosy' gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya.* № 1. P. 49–71. (in Russ.).
18. Morev M., Smoleva E. (2018) Vozmozhnosti sotsiologicheskogo instrumentariya v diagnostirovanii latentnykh tendentsiy obshchestvennogo psikhicheskogo zdorov'ya (na primere Vologodskoy oblasti). [Sociological tools in diagnosing latent tendencies in public mental health (the case of the Vologda Region)]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii.* Vol. 21(3), P. 26–45. URL: <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.3.2> (in Russ.).
19. *Otxodniki: [monografiya].* (2013). Ed. by Yu. M. Plyusnin. M. : Novy'j Khronograf. 364 p. (in Russ.).
20. Plisetskij E. L., Plisetskij E. E. (2020). Tendentsii i problemy' prostranstvennogo razvitiya Rossii na sovremennom etape. [Trends and problems of spatial development of Russia at the present stage]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy' razvitiya.* Vol. 1. P. 741–744. (in Russ.).
21. Popov A. V. (2018). Formirovanie edinogo ry'nka truda kak uslovie stanovleniya gorodskoj aglomeratsii (na materialakh Vologodskoy oblasti). [Forming a unified labor market as a condition for urban agglomeration development (based on materials of the Vologda Oblast)]. *Territorial Development Issues.* № 5 (45). DOI: 10.15838/tdi.2018.5.45.9 (in Russ.).
22. *Prostranstvennoye razvittie malykh gorodov: sotsial'nye strategii i praktiki.* [Spatial development of small towns: social strategies and practices]. (2020). Ed. by M. F. Chernysh, V. V. Markin. M. : FNISTC RAS publ. 523 p. (in Russ.).
23. *Regional'naya ekonomika i upravlenie razvitiem territorij.* [Regional Economics and Territorial Development Management]. (2016). Ed. by F. T. Prokopov. M. : Yurajt publ. 355 p. (in Russ.).
24. Chirikova A. E., Ledyayev V. G. (2017). *Vlast' v malom russijskom gorode.* [Governance in Russian Town]. M. : HSE Publishing House. 416 p. (in Russ.).
25. Shabaev Yu. P., Podoplekin A. O. (2017). Evropejskij Sever Rossii. [European North of Russia: Ethnopolitics and the crisis of local communities]. *Political Expertise: POLITEX,* Vol. 13. № 1. P. 103–122. (in Russ.).
26. Shabaev Yu. P., Zherebczov I. L., Zhuravlev P. S. (2012). «Russkij Sever»: kul'turny'e granitsy i kul'turnye smysly. [“Russian North”: cultural boundaries and cultural meanings]. *Mir Rossii.* № 4. P. 134–153. (in Russ.).
27. Yanitsky O. N. (2018). Malye goroda Rossii: mezhdistsiplinarnyj analiz. [“Small towns of Russia: an interdisciplinary analysis”]. *Research Result. Sociology and management.* № 4 (4). P. 52–64. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-5 (in Russ.).

28. Yaroshenko S. (2017). Lishnie lyudi, ili O rezhime isklyuchenija v postsovetskom obshchestve. [Surplus people, or about the regime of social exclusion in Post-Soviet Russia]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*. Vol. 18, no 4, pp. 60–90. doi: 10.17323/1726-3247-2017-4-60-90 (in Russ.).

29. Efimov V. S., Lapteva A. V. (2017). Siberia and the Russian Far East in the 21st Century: Scenarios of the Future. *Zhurnal SFU. Gumanitarny'e nauki*. № 11(10). P. 1669–1686. DOI: 10.17516/1997-1370-0165

30. Methodological approaches to homogenous regional clusters formation for human capital and quality of life assessment in the Yenisei Siberia macro-region. (2019). E. B. Bukharova, I. P. Vorontsova, A. R. Semenova [et al.]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. Vol. 12, № 12. P. 2137–2154. DOI: 10.17516/1997-1370-0467

31. Pilyasov A. N. (2017). Sibir': poiski novoj modeli razvitiya. [Siberia: in search of new model of development]. *Zhurnal SFU. Gumanitarny'e nauki*. № 11 (10). P. 1754–1778.

32. Polishhuk V. I. (2016). Krasnoyarskaya aglomeratsiya: ideya i perspektivy` razvitiya. [Krasnoyarsk agglomeration: idea and development prospects]. *Zhurnal SFU. Gumanitarny'e nauki*. № 9 (11). P. 2803–2829. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/29978>.

33. Popod'ko G. I. (2017). Investitsionny`j potentsial razvitiya Krasnoyarskoj aglomeratsii. [Investment Potential of the Krasnoyarsk Agglomeration Development]. *Zhurnal SFU. Gumanitarny'e nauki*. № 10 (11). P. 1779–1788.

34. Scott A., Storper M. (2007). Regions, globalization, development. *Regional Studies*. № 37 (6–7). P. 579–593. DOI: 10.1080/0034340032000108697a

35. Sassen S. (2001). *The global city: New York, London, Tokyo*. Princeton University Press, Princeton, NJ. <http://dx.doi.org/10.1515/9781400847488>

36. Harvey D. (2000). *Spaces of hope*. Edinburgh University Press, Edinburgh. 310 p.

37. Van den Berg L., Drewett R., Klaasen L. (1982). *Urban Europe : A Study of Growth and Decline*. Pergamon, Oxford. 162 p.

38. Ryan B. D. (2012). *Design after Decline: How America Rebuilds its Shrinking Cities*. Philadelphia : University of Pennsylvania Press. 288 p.

39. What makes people stay in or leave shrinking cities? An empirical study from Portugal. M. Guimarães, L. Nunes, A. Barreira, T. Panagopoulos. (2016). *European Planning Studies*. Vol. 24. № 9. P. 1684–1708. DOI: 10.1080/09654313.2016.1177492

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Podlesnaia Mariia Aleksanrovna, Candidate of Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

E-mail: yamap@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-2159-4958

Web of Science Researcher ID: R-8140-2019

Scopus Author ID: 56528484500

The article was submitted on November 11, 2020. Accepted on April 01, 2021.